

Н.С. Чижов (Тюмень)

**ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В КНИГЕ ИВАНА ЖДАНОВА
«ВОЗДУХ И ВЕТЕР»***

Аннотация. Заглавия разделов, стихотворений и прозаических миниатюр в шестой книге И. Жданова «Воздух и ветер» рассматриваются как сравнительно самостоятельный текст, выражающий смысловое единство многосоставной книжной структуры, и ключ к художественному миру поэта (В.И. Тютя). Анализ показал, что лексико-грамматические особенности заголовочного комплекса стихотворений (48% (51 ед.) от общего числа текстов, из них 30% жанровые и более 60% выражены одним словом; традиционная, общепозитическая лексика) сближают И. Жданова с такими русскими поэтами второй половины XX века, как А. Тарковский, О. Чухонцев, А. Кушнер, О. Седакова. Установлено, что проза поэта, в отличие от стихотворных текстов, практически не озаглавлена (7% от общего числа). Причина этого видится в подключении И. Жданова к литературно-философской традиции, идущей от Л. Шестова («Апофеоз беспочвенности») и В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья» и др.). В системе заглавий текстов были выделены следующие семантические группы: 1) природный мир; 2) человек и его духовный путь; 3) искусство; 4) история и христианская модель мира. Структурообразующие связи между заглавиями этих групп обуславливаются лежащими в их основе семантическими доминантами, что определяют своеобразие художественного мышления автора. К таковым были отнесены семы векторной динамики, циклического возвращения и статики как постоянства, духовной неразменности. Сема динамики в заглавиях преимущественно воплощается в образах частной и всеобщей истории, спроецированной на христианский метафизический вектор (Крещение) – «Плач Иуды» – «До слова» – «Преображение» – «Восхождение» – «Воскресение или повторение» – «Когда времена проходят»). Сема цикличности – в образах природы и человеческого бытия, где прослеживается мистериальный комплекс умирания-воскресения («На новый год», «Возвращение», «Ода ветру»). Жанровые заглавия в книге «Воздух и ветер», с одной стороны, формируют образ мира большой культуры, куда «транслируется» духовный опыт поэта, с другой стороны, наравне с «природными» заглавиями, наделяются семантикой мистериальности, гармонизации бытия. Наконец, образный строй таких заглавий, как «Неразменное небо», «Дом», «Воздух и ветер», «Где сорок сороков», выражает метафизические представления поэта о духовной первооснове мира, идеально устроенном Космосе. Делается вывод, что в системе заглавий книги «Воздух и ветер» воплощается ждановская концепция «освидетельствования», направленная на преодоление эсхатологической заданности развития истории путем возвращения к всеобщему единению людей, Бога и природного мира. Обосновывается, что истоки мистериального мышления И. Жданова восходят к архетипическому

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00503\19 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

комплексу народной сибирской духовности.

Ключевые слова: И. Жданов; заглавие; мистериальность; история; возвращение; христианская метафизика.

N.S. Chizhov (Tyumen)

The Poetics of the Titles in Ivan Zhdanov's Book "Air and Wind"^{**}

Abstract. The titles of sections, poems and prosaic miniatures in I. Zhdanov's sixth book "Air and Wind" are considered as a comparatively independent text expressing the semantic unity of the multipart book structure, as well as a key to the poet's artistic world (V.I. Tiupa). The analysis demonstrates that the lexical and grammatical features of the title complex of the poems (48% (51 units) of the total number of texts, 30% of which are genre-related and more than 60% are one-word titles; traditional, common poetic vocabulary) relate I. Zhdanov to such Russian poets of the second half of the 20th century, as A. Tarkovskii, O. Chukhontsev, A. Kushner, O. Sedakova. It has been determined that unlike poems, the poet's prose is practically not entitled (7% of the total number). We suggest that it can be explained by a literary and philosophical tradition which originates in L. Shestov ("Apotheosis of Groundlessness") and V. Rozanov ("Solitaria", "Fallen Leaves", etc.) and is continued by I. Zhdanov. Within the system of text of the book under consideration, the following semantic groups can be distinguished: 1) the world of nature; 2) a person and their spiritual path; 3) art; 4) history and the Christian model of the world. The structure-forming relations between the titles of these groups are determined by the underlying semantic dominants which comprise the author's artistic license. These include the semes of vector dynamics, cyclic return, and statics as continuity, unchangeability, and harmony. The linear seme in the titles is mainly expressed in the images of private and universal history, projected onto a vector of Christian metaphysics ("Baptism" – "Lamentations of Judah" – "Before the Word" – "Transfiguration" – "Ascension" – "Resurrection or Repetition" – "When the Times Pass"). The cyclic seme is embodied in the images of nature and human existence, expressing the author's spiritual experience (marked by a date in the section titles), in which we can trace a mysterious dying-resurrection complex ("On New Year's Day", "The Return", "An Ode to the Wind"). The genre titles in the book "Air and Wind", on the one hand, form an image of the world of a big culture where the poet's spiritual experience, on the other hand, on an equal basis with "natural" titles "is broadcast", are allocated with semantics of "mysteriousness", life harmonization. At last, the figurative system of such titles as "Unchangeable Sky", "Home", "Air <and Wind>", "Where a Multitude", expresses the poet's metaphysical ideas of a spiritual fundamental principle of the world, the ideally arranged Space. In conclusion, we suggest that the title system of Zhdanov's book "Air and Wind" embodies his "survey" of the history concept, meaning that a mysterious act of restoration of the spiritual unity of people transcends the eschatologically predetermined outcome of the history. The article justifies that the sources of Zhdanov's mysterious way of thinking originates in the archetypal complex

^{**} This work was written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00503\19 "Modernization Challenge in Siberian Literature".

of Siberian folk spirituality.

Key words: I. Zhdanov; title; mysteriousness; history; return; Christian metaphysics.

Книга И. Жданова «Воздух и ветер», опубликованная в 2006 году, объединяет основной корпус стихотворений, прозу и пейзажные фотоработы поэта. С этой шестой книги начинается новый этап в творческой практике И. Жданова, поскольку с 2000-х годов он отходит от активной стихотворной деятельности и переключается на создание книжных макроструктур из ранее созданных текстов. Другими словами, книга как многокомпонентное художественное целое становится основным жанром в творчестве поэта. В соответствии с законами книготворчества перед читателем ставится задача постижения сложного художественного единства книги как авторского мирообраза. Это предполагает, с одной стороны, актуализацию сотворческой интуиции реципиента, позволяющей воспринимать книгу в горизонте целостного высказывания автора, с другой стороны, аналитическое изучение «системы внутренних связей» между отдельными текстами [Мирошникова 2003, 18].

В рамках статьи мы остановимся на исследовании заглавий книги «Воздух и ветер» как элементов композиции. В современном литературоведении принято рассматривать заглавия, объединенные в оглавление книги, в качестве «относительно самостоятельного текста» [Тюпа 2011, 382], воплощающего «в снятом виде темы, проблематику и смысловую структуру целого» [Веселова 1998, 19]. В этом плане система заглавий литературных текстов понимается как ключ к художественному миру автора [Тюпа 2011, 382; Веселова, Орлицкий].

Помимо названий стихотворений и прозаических миниатюр, в заголовочный комплекс книги «Воздух и ветер» входят заглавия разделов, представляющие собой строчку из стихотворений: например, первый раздел озаглавлен как «следы за мной мой первый снег». Вынесение в «сильную» позицию [Фоменко 2006, 36] отдельных стихов (или строк) непосредственно определяется авторским замыслом и является не менее значимым элементом композиции, чем заглавия стихотворений и прозаических миниатюр.

Озаглавленным в книге «Воздух и ветер» является 51 стихотворение, что составляет 48% от общего числа текстов данного рода. Более половины из них (33 ед.) выражены одним словом, конкретным или отвлеченным именем существительным. Оставшаяся часть заглавий представляет собой сочетание двух слов, в редких случаях – трех (18 ед.). Еще один важнейший показатель, характеризующий ждановскую книгу, – 30% (16 ед.) жанровых заглавий, относящихся к основным видам искусства: литература («Поэма дождя», «Баллада», «Письмо»), музыка («Джаз-импровизация», «Концерт», «Собачий вальс»), живопись («Орнамент», «Портрет», «Портрет отца»). Широкий «жанровый» диапазон указывает на синтетическую ориентированность творческих поисков поэта и задает читателю пер-

вичные контекстуальные координаты. При этом в большинстве случаев И. Жданов при озаглавливании стихотворений применяет традиционную, общепозитическую лексику, отсылающую к известным образцам русской классической и неклассической лирики: например, «Стол», «Поезд», «Гроза», «Осень», «Дом», «Пророки», «Зима», «Гора», «Возвращение», «Холмы» и т.д. Такие заглавия, включаясь в ассоциативное поле культуры, нередко обретают статус «скрытой цитаты, аллюзии, не разгаданного читателем намека» [Джанджакова 1979, 208].

Едва ли не единственным выбивающимся из общей тенденции является заглавие «Рапсодия батареи отопительной системы», нетрадиционная образность которого формировалась под влиянием творчества английского поэта-модерниста Томаса Элиота (ср.: «Рапсодия ветреной ночи»). В целом лексический и морфологический строй заглавий книги «Воздух и ветер» указывает на близость И. Жданова к таким мало экспериментирующим в этой области русским поэтам второй половины XX века, как А. Тарковский, О. Чухонцев, А. Кушнер, О. Седакова. К примеру, у последней, согласно подсчетам Г.М. Колеватых, 70% озаглавленных текстов, из них 30% являются жанрообразующими терминами, а 40% состоят из одного слова с традиционной для ЗФК русской поэзии лексикой [Колеватых 2008, 13].

Прозу в книге «Воздух и ветер» поэт практически не озаглавливает: только шесть миниатюр имеют название (7% от общего числа). Причина этого видится в подключении поэта к литературно-философской традиции, у истоков которой стояли Л. Шестов («Апофеоз беспочвенности») и В. Розанов («Уединенное», «Опавшие листья» и др.). Влияние поэтической культуры на формирование данной традиции, восходящей к стихотворениям в прозе И. Тургенева, дневниковым записям, заметкам, афористическим высказываниям крупных писателей XIX века, обосновал Ю.Б. Орлицкий. Помимо неозаглавленности текстов, на связь с данной традицией указывают такие структурные признаки ждановской прозы, как

- а) миниатюрность,
- б) фрагментарность,
- в) отсутствие внешней упорядоченности и тематической систематизации,
- г) «стирание границ между типами широко понимаемой (литература, философия, религия, наука <...>) словесности» [Орлицкий 2002, 260].

Кроме того, неозаглавленность прозы И. Жданова можно объяснить описанной Ю.Б. Орлицким тенденцией в русской литературе второй половины XX века: включение прозаических миниатюр в стихотворный контекст книги или журнальной подборки «приводит к тому, что <...> тексты, написанные поэтами, начинают, условно говоря, мимикрировать, приспосабливаясь к контексту» [Орлицкий 2002, 260]. Для стихотворных текстов, как известно, заглавие во многом является факультативным компонентом, функцию которого может выполнять занимающая «сильную» позицию в тексте первая строка [Орлицкий 2008, 74].

Переходя к семантике заглавий, прежде всего хотелось бы указать на наличие датировок в скобках после названий разделов. Они выстраивают в книге временной вектор, совпадающий с этапами творческого пути автора. Характерно, что И. Жданов в книгах до и после «Воздух и ветер» никогда не фиксировал время создания стихотворных текстов. В результате этот элемент ЗФК наделяется дополнительным значением в системе книготворчества поэта и не сводится только к выражению композиционного упорядочивания текстов (как, например, в собрании сочинений).

Заглавия разделов условно можно разделить на три группы: к первой относятся стихотворные строки, в которых присутствует одна из форм личного местоимения: «среди *мной*, *мой* первый снег (1968)» [Жданов 2006, 12] – «расстояние между *тобой* и *мной* – это и есть *ты* (1986)» [Жданов 2006, 98] – «*мы* – толпа одного и того же (1997)» [Жданов 2006, 160]. На грамматическом уровне между местоимениями прослеживается динамическая связь в виде последовательного перехода от единичного («я») к всеобщему («мы») через посредничество «ты». С учетом контекста книги «Воздух и ветер» можно предложить следующую интерпретацию обозначенной динамики в заглавиях разделов: в первом разделе речь идет о начале жизненного (творческого) пути лирического «я» и в то же время об осознании им неизбежности утраты первоначального состояния дорефлексивной цельности (рая), единения с природным миром, воплощенного в виде образа «первого снега». Во втором – о поиске утраченной цельности в единстве с Другим (возлюбленной, самим собой, Богом, природой и т.д.). Наконец, в третьем – о новой ценностной точке зрения субъекта на мир и место в нем человека, «нераздельного и неслиянного» с Другими.

Ко второй группе были отнесены заглавия остальных разделов, кроме четвертого, объединенных семантикой смерти, распада, небытия: 2) «внутри деревьев падает листва (1971)» [Жданов 2006, 26] – 3) «или смерти коснуться и глаз не закрыть (1974)» [Жданов 2006, 46] – 6) «вечность – миг, неспособный воскреснуть давно (1993)» [Жданов 2006, 140]. Инверсивный образ второго заглавия обозначает зиму, время увядания, смерти природы: по мысли поэта – листопад продолжается круглый год, даже в зимнее время, только внутри деревьев. Заглавие третьего раздела – строка из стихотворения «Поезд», где по сюжету происходит разрушение границы между загробным и здешним миром. В этом контексте касание смерти с открытыми глазами прочитывается, с одной стороны, как пребывание по эту и одновременно по ту сторону бытия, а с другой стороны, как возвращение из загробного мира, что подразумевает смерть с последующим воскресением. Миг же в заглавии шестого раздела является метафорической производной от крылатого выражения «тихий ангел пролетел». Возникшая во время разговора пауза в поэтической оптике И. Жданова расширяется до масштаба «кризиса взаимопониманий людей, общества» [Дойти до полного предела], равносильного духовной смерти, невозможности воскресения, сравним: «Прозревай в слепоту и с нечетной ноги воскресай, / догоняя безногих, / по дороге хромой в заповеданный рай, / ставший адом

для многих» [Жданов 2006, 141].

Заглавие четвертого раздела – «Море, что зажато в клювах птиц – дождь», – располагаясь в центре оглавлений разделов, синтезирует на общем уровне концептуальные основания, представленные в выделенных нами группах. С одной стороны, через посредничество птицы осуществляется метаболический синтез земного и небесного как искомого обретения цельности, восстановления единства человеческого и божественного миров, сравним: «Верблюда помнят, а разве Царство / в ушке игольном застрять не может, / когда б решилось пойти навстречу? / Запретный плод облечен в лекарство / от тех сомнений, что жизнь итожит, / но где он спрятан, я не отвечу» [Жданов 2006, 145]. С другой стороны, море, чтобы обрести новое бытие в форме дождя, должно пройти через смерть (трансформацию) и воскресение (возвращение) в новом качестве.

Теперь обратимся к системе заглавий стихотворных и прозаических текстов в книге «Воздух и ветер» с учетом выявленных смысловых закономерностей в номинации разделов. Здесь можно выделить следующие «семантические группы» [Тюпа 2011, 386]: 1) природный мир; 2) человек и его духовный путь; 3) искусство; 4) история и христианская картина мира. При этом некоторые из заглавий можно отнести одновременно к двум или нескольким группам. Наиболее частые корреляции отмечаются между второй и четвертой группами, что обусловливается проекцией духовного пути человека в художественном мире И. Жданова на христианский метафизический вектор развития: «Крещение» – «Плач Иуды» – «До слова» – «Преображение» – «Возвращение» – «Восхождение» – «Воскресение или повторение» – «Воскресение или воскрешение».

Христианская система координат в данных заглавиях включает и историю мироздания («До Слова» – «Воскресение или воскрешение» – «Когда времена проходят»), и историю Христа («Крещение» – «Плач Иуды» – «Преображение» <Господне> – «Воскресение»), и историю духовного опыта отдельно взятого человека («Крещение» – «Плач Иуды» – «Преображение» – «Возвращение» – «Восхождение»). Однако несмотря на очевидную связь заглавий с христианской традицией, художественная философия И. Жданова не растворяется в ней, а по-модернистски осваивает в качестве «духовного опыта человечества». О.А. Дашевская одна из первых проанализировала семантику заглавий стихотворных текстов И. Жданова (на материале книги «Неразменное небо») с точки зрения отражения и преломления христианской метафизики [Дашевская 2005, 111–113]. Исследователь фиксирует трансформацию христианского мифа о земном воплощении души в художественном мире И. Жданова, сохраняющего эвристический потенциал в философской и художественной системах Вл. Соловьева: «воскресение (рождение) – преобразование (смерть) – возвращение (воскресение)» [Дашевская 2005, 112].

При этом частотный анализ показал высокое использование лексемы «воскресение» в книге «Воздух и ветер» (26 сл.), что является показателем программного интереса поэта к основному догмату христианской веры.

Но, в отличие от книги «Неразменное небо», интенция воскресения во внутреннем мире шестой книги И. Жданова, с одной стороны, раскрывает смысловой потенциал в аспекте метафизической интуиции и историко-философских построений поэта, но, с другой стороны, наполняясь авторским содержанием, становится эквивалентной ждановской идее возвращения. Другими словами, поэт сохраняет общую историческую динамику в рамках христианской картины мира, неизбежно ведущую к концу времен как необходимого условия Воскресения (см.: «Поезд»). Последнее подчеркивается в заключительном заглавии книги («Когда времена проходят» [Жданов 2006, 168]). В то же время поэт направляет вектор духовного развития человека на возвращение в дом как прообраз всеобщего единения людей. Это приводит к формированию в его художественных текстах индивидуально-авторского мифа (см.: [Чижов 2017, 209–252]).

Нужно подчеркнуть, что возвращение не приравнивается поэтом к повторению, поскольку последнее в сопоставлении с воскресением в одноименном заглавии программной прозаической миниатюры отвергается как ложное: «Но цель повторения – восстановление утраченного времени, воскресение же всегда владеет нерастрачиваемым временем. Потому что *повторение – это ревность, а воскресение – любовь*» [Жданов 2006, 132]. В результате в системе заглавий книги «Воздух и ветер» воплощается как линейное мировосприятие автора в рамках христианской традиции, предполагающее конечное и эсхатологическое развитие истории, так и идея возвращения к единству людей и мира, ориентированная на преодоление катастрофической предопределенности исторических событий.

В заглавиях «природного ряда» также прослеживается номинация стихотворных текстов, где присутствует динамика, устремленность: «Ода ветру», «Ты, как силой прилива...», «Плыли и мы в берегах...», «Холмы», «Гора». Если в первых трех заглавиях динамизм природной стихии (ветра и воды) открыто выражается, то в последних двух его актуализация возможна за счет ассоциативного сближения с ситуацией восхождения. Отдельно нужно сказать о ветре, поскольку эта ключевая природная стихия в лирике И. Жданова, программно вынесенная в заглавие рассматриваемой книги, является сюжетообразующим звеном многих стихотворений поэта. Ветер в художественном мире автора книги «Воздух и ветер» – разрушительная, inferнальная сила и в то же время искомый элемент мистериального преображения человека и мира [Чижов 2017, 238–253]: «Один стакан, и тот разбит, / со дна Алenuшка глядит, / и ветер шепот шевелит. / Мы молча в шепот сходим / и там себя находим» [Жданов 2006, 33].

Помимо семы динамики, в заглавиях группы «Природный мир» наличествует традиционная для данного сегмента сема цикличности, например: «Осень», «Зима», «День». С циклическим ритмом умирания и возрождения живой природы резонирует бытие ждановского человека, осознающего себя частью всеединого мира. В данном ключе следует рассматривать заглавие стихотворения «На новый год», укорененное в традиции русской рождественской поэзии (например, «Новый год» Н. Некрасова,

«На новый 1816 год» Ф. Тютчева, «Рождественский романс» И. Бродского и др.). Лирическое событие текста – мистериальное обновление мира – имеет мифологическую основу, а именно отсылает к годовым (циклическим) ритуалам: наступающий год тигра лирическому субъекту представляется в образе ковчега (мифологической модели мира), разделенного на ярусы-времена года: «Вооруженный четверней сезоном, / сияющих как ярусы ковчега, / всплывает год под шорохом кометы, / бросающей тигриные следы. / И мы вступаем на помост всенедельный: / Мы нижний ярус отведем для снега, / Второй засеет, третий даст нам всходы, / А на последнем будем ждать плоды» [Жданов 2006, 100]. В этих стихах поэт утверждает веру в активизацию жизнестроительных потенций человека на основе восстановления мистериального мировосприятия, сочетающего элементы христианской и языческой метафизики.

Среди «природных» заглавий выделяется «Неразменное небо», поскольку содержащиеся в нем компоненты – определение и определяемое слово – несут семантику статики, стабильности, неизменности, постоянства.

В таком же значении используются поэтом заглавия «Дом» и «Где срок сороков», сравним: «Знать бы, в каком краю будет поставлен *дом* / тот же, каким он был при роковом уходе, / можно было б к нему перенести тайком / то, что *растратить нельзя* в нежизни и свободе» [Жданов 2006, 125]. Обозначенная семантика в «Неразменном небе» подчеркивается фольклорным подтекстом: неразменный рубль или пятак – сказочный атрибут героя, который при любых условиях возвращается в нерастратченном виде к своему владельцу. В результате в ждановской формуле неба актуализируется неразменность небесной твердыни и преодолевается неподвластная человеческому сознанию (метафизическая) «высота», отделяющая мир земной от мира небесного («паренье и дыбу» [Жданов 2006, 113]). Именно люди в рассматриваемом стихотворении, разрушив стену духовной разобщенности, словно демиург, восстанавливают мироздание, где небо является неразменным и «соразмерным» человеку [Жданов, Шатуновский 1997, 32]: «И по мере того как земля, расширяясь у ног, / будет снова цвести пересверками быстрых дорог, / мы увидим, что небо начнёт проявляться и длиться, / как ночной фотоснимок при свете живящей зарницы, – / мы увидим его и поймём, что и это порог» [Жданов 2006, 102]. Нужно отметить, что О.А. Дашевская обосновала возможность интерпретации образа «неразменное небо» как «аналога дома и человеческого всеединства» [Дашевская 2005, 114].

Неразменностью в лирике И. Жданова наделяется еще и воздух – вторая ключевая стихия, представленная, наряду с ветром, в заглавии книги. Данный образ в текстах поэта, в соответствии с мифологической традицией, символизирует духовную основу бытия, животворную энергию природного мира, сообщающуюся с миром души человека, сравним: «Дуновение же, дыхание связаны с принципом жизни, животворящим духом, эманацией (ср. др.-евр. *ruah*, др.-греч. *πνεῦμα*, лат. *spiritus* – слова, обознача-

чающие как дыхание, так и дух, а также рус. «дух» и «воздух»; ср. также представление о душе – дыхании)» [Мейлах 1980, 241]. Так, в стихотворении «Ода ветру» мистериальное разрушение ветром мироздания описывается через образные параллели в форме рифмы и анафоры, раскрывающие внутреннюю форму лексемы «воздух»: «И *воздух* рифмами прошит, / и чернота меня слепит / и за собою тянет. / И, ветром каменным полны, / шуршат седые валуны, / мерцают сжиженные сны, / и в них *дыханье вянет*» [Жданов 2006, 64].

Неслучайно поэт в одном эссе, размышляя об условиях гармонии, утверждает, что возможность явления красоты, мира зависит от существования «вечности, духа» как первоосновы, на которую наброшена «некая парча», что образует форму. И если в наше время эта парча – «гноище, язвище», то в обретении «гармонии ее прообраза», считает поэт, «остается прорвать ее, и если за ней бездна – пройти бездну, иного не остается» [Жданов 2006, 155]. (На модернистский генезис ждановской мифопоэтической модели мира указывает следующее программное высказывание Вл. Соловьева по поводу поэзии Ф. Тютчева: «Наш поэт одинаково чуток к обеим сторонам действительности; он никогда не забывает, что весь этот светлый, дневной облик живой природы, который он так умеет чувствовать и изображать, есть пока лишь *«златотканый покров», расцвеченная и позолоченная вершина, а не основа мироздания»* [Соловьев 1914, 125]).

В высказывании поэта для нас важна актуализация двух важнейших компонентов, определяющих идейно-тематическое своеобразие его поэтической системы, – первооснова бытия и мистериальная направленность. На наш взгляд, две эти составляющие в образной форме наличествуют в заглавии книги: воздух, учитывая обозначенный выше мифопоэтический подтекст, выступает в качестве неразменной первоосновы, тогда как ветер, являясь хаотической стихией, становится динамическим элементом мистериального преобразования (обновления) человека и мира. Причем воздух и ветер, подчеркнем, – стихии соприродные, потому что, как было показано выше, *дуновение* <ветра> коррелирует с *дыханием*, *духом* и *душой*.

Наконец, обратимся к еще одной группе заглавий в книге «Воздух и ветер», которые в большинстве своем являются жанровыми и относятся к различным видам искусства. Около трети заглавий данной семантической группы отсылают к музыкальному искусству: «Контрапункт», «Концерт», «Джаз-импровизация», «Рапсодия отопительной системы», «Собачий вальс». Известно, что поэт в молодости серьезно увлекался классической и неклассической музыкой, изучал поэтику музыкальных произведений [Козлова, Изотова 2017, 31]. Этот интерес проявился не только в характерных заглавиях, но и в просодии стихотворных текстов, воссоздающей ритмическое и мелодическое своеобразие музыкальных композиций (см.: «Джаз-импровизация» и «Рапсодия отопительной системы»).

Другие заглавия относятся к портретной живописи и фотографии («Портрет», «Портрет отца»), декоративно-прикладному искусству («Орнамент»), иконописи («Оранта»), жанровой системе лирики («Поэма до-

жда», «Ода ветру», «Баллада»), системе литературных персонажей («Персонаж», «По поводу Дон-Кихота»). В результате в заголовочном комплексе книги «Воздух и ветер» возникает в некотором роде синтез искусств, отсылающий к творчеству поэтов-модернистов: например, синтезирующее начало музыки в художественном мышлении символистов и синхронное восприятие культурных эпох в поэзии акмеистов.

Нужно отметить, что во многих стихотворениях с жанровыми заглавиями прослеживается мистериальный сюжет. Так, в «Концерте» процесс возникновения поэтического слова как музыкальная импровизация становится мистериальным действием, направленным на преодоление разобщенности (стены разногласия становятся прозрачными) и восстановление утраченного единства между людьми: «Наполни шорохами звук, / верни его в зерно немое – / пускай он выпадет из рук. / И прорастет, усилясь вдвое, / в молчанье брошенный испуг. / А после стены прорастут / своей прозрачностью, и лица / из тьмы появятся. И тут / никто не сможет поручиться, / что стебли нас не обоймут» [Жданов 2006, 52]. Учитывая, что заглавие в художественном творчестве несет повышенную семантическую нагрузку, замещая основной текст и аккумулируя его смысловой потенциал [Кржижановский 1931, 17], можно говорить о мистериальной основе мира искусства, наравне с миром природы, в ЗФК книги «Воздух и ветер». Неслучайно в некоторых заглавиях стихотворений И. Жданова происходит совмещение лексических компонентов, относящихся к семантическим группам «Искусство» и «Природный мир», в частности, в упомянутой выше «Оде ветру» и «Поэме дождя».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в семантике заглавий книги «Воздух и ветер» воплощается авторская концепция времени и истории. Ее можно описать как синкретическое совмещение линейной направленности в будущее и мистериального возвращения к актуальному прошлому в зоне самосознания человека как всеискупляющего и гармонизирующего настоящего, освященного духовным единением с Другим (человеком, природным миром, Богом). По большому счету И. Жданов в новых культурно-исторических обстоятельствах пытается решить задачу, что стояла перед старшими модернистами (в частности, акмеистами). Эту задачу поэт формулирует следующим образом в предисловии к книге «Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова»: «стихи – это то, что, не являясь дневником, имеют отношение к освидетельствованию, *к нахождению равновесия между частным существованием и общей историей*» [Жданов, Шатуновский 1997, 6]. Именно О. Мандельштам и А. Ахматова стремились восстановить «соотносимость истории и человека» путем синхронизации «нравственно-личностной памятью» в актуальном настоящем эстетического опыта предшествующих эпох: «гетерогенные элементы текста, разные тексты, разные жанры (поэзия и проза), творчество и жизнь, все они и судьба» [Левин и др. 1974, 51].

Отсюда дополнительный смысл обретает датировка заглавий разделов в книге «Воздух и ветер» как не столько фиксация времени создания по-

этом стихотворных и прозаических текстов, сколько актуализация этапов духовного пути частного человека, остро переживающего трагический ход истории XX века. В этом контексте жанровые заглавия, несущие, подобно заглавиям группы «Природный мир», семантику мистериальности, прочитываются еще и как образ мира большой культуры, куда транслируется поэтом духовный опыт по преодолению всеобщей «немоты», богооставленности, разрыва между людьми и эсхатологической заданности развития истории.

Для нас важно, что С.М. Козлова обосновала генезис ждановского понимания времени и истории с точки зрения онтологической философии поэта, «в основе которой древняя аграрная идея кругооборота природы, вечной смены и возвращения духа и материи в их неразложимом единстве», «ощущение народного христианства», идейная основа учения «Платона и неоплатонизма (Плотин, Августин Блаженный, русская философская традиция)» [Козлова, Изотова 2017, 65–67]. Обнаруженные семантические доминанты заглавий выражают архетипический комплекс народной мифологии аграрной Сибири в качестве мистериальной составляющей онтологической философии автора книги «Воздух и ветер». И если в поэзии акмеистов (1910–1920-х гг.) преодоление трагического разделения истории и человека мыслится творческими силами «авторского “Я”», что «оказывается равновеликим культуре, природе, истории» [Левин и др. 1974, 59], то ждановское «освидетельствование» предполагает поиск единства Бога, людей, природного мира с точки зрения актуализации мистериальных ресурсов народной сибирской духовности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселова Н.А. Заглавия литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.06. Тверь, 1998.
2. Веселова Н.А., Орлицкий Ю.Б. Заметки о заглавии // Арион. 1998. № 1. URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/vesel-ori.htm> (дата обращения 20.05.2019).
3. Дашевская О.А. Некоторые аспекты метафизики всеединства в книге И. Жданова «Неразменное небо» // Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века. Томск, 2005. С. 116–127.
4. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 207–214.
5. Дойти до полного предела. Иван Жданов отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // Топос. 2003. URL: <http://www.topos.ru/article/1170> (дата обращения 20.05.2019).
6. Жданов И.Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М., 2006.
7. Жданов И., Шатуновский М. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова. М., 1997.
8. Колеватых Г.М. Заглавие в русской поэзии 1980–1990-х гг.: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Калуга, 2008.
9. Козлова С.М., Изотова Я.П. Иван Жданов: о себе, о нем, о его творчестве //

Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3) / отв. ред. С.А. Комаров. Тюмень, 2017. С. 16–72.

10. Кржижановский С. Поэтика заглавия. М., 1931.

11. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. С. 47–82.

12. Мейлах М.Б. Воздух // *Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.*, 1980. С. 241.

13. Мирошникова О.В. Специфика рецепции и анализа лирической книги // *Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3. Учебное пособие* / отв. ред. О.В. Мирошникова. Омск, 2003. С. 16–22.

14. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.

15. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 74–75.

16. Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. СПб., 1914.

17. Тюпа В.И. «Доктор Живаго»: композиция и архитектоника // *Вопросы литературы*. 2011. № 1. С. 380–410.

18. Фоменко И.В. Практическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2006.

19. Чижов Н.С. Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики // *Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3)* / отв. ред. С.А. Комаров. Тюмень, 2017. С. 158–343.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Doyti do polnogo predela. Ivan Zhdanov otvechayet na voprosy Dmitriya Babil'skogo [To Reach the Limit Point. Ivan Zhdanov Answers Dmitry Babil'sky's Questions]. *Topos*, 2003. Available at: <http://www.topos.ru/article/1170> (accessed 20.05.2019). (In Russian).

2. Levin Y.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsiv'yan T.V. Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsial'naya kul'turnaya paradigma [Russian Semantic Poetics as Potential Cultural Paradigm]. *Russian Literature*, 1974, no. 7/8, pp. 47–82. (In Russian).

3. Tyupa V.I. “Doktor Zhivago”: kompozitsiya i arkhitektonika [“Doctor Zhivago”: Composition and Architectonics]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 1, pp. 380–410. (In Russian).

4. Veselova N.A., Orlitskiy Yu.B. Zametki o zaglavii [The Notes on Titles]. *Arion*, 1998, no. 1. Available at: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/vesel-orl.htm> (accessed 20.05.2019). (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Chizhov N.S. Poeziya Ivana Zhdanova: problemy poetiki [Ivan Zhdanov's Po-

etry: the Issues of Poetics]. Komarov S.A. (ed.) *Russkaya poeziya Sibiri XX veka: Ivan Zhdanov: monografiya (Literaturnyye zvezdy Sibiri; Vol. 3)* [The Russian Poetry of Siberia of the 20th Century: Ivan Zhdanov: Monograph (Literary Stars of Siberia)]. Tyumen, 2017, pp. 158–343. (In Russian).

6. Dashevskaya O.A. Nekotoryye aspekty metafiziki vseeyedinstva v knige I. Zhdanova “Nerazmennoye nebo” [Some Aspects of Metaphysics of a “Vseeyedinstvo” in the Book by I. Zhdanov “The Unchangeable Sky”]. *Mifotvorchestvo V. Solov'yeva i “solov'yevskiy tekst” v poezii XX veka* [V. Solovyov's Formation of Myths and “the Solovyevsky Text” in 20th Century Poetry]. Tomsk, 2005, pp. 116–127. (In Russian).

7. Dzhandzhakova E.V. O poetike zaglaviy [About the Poetics of Titles]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Tomsk, 1979, pp. 207–214. (In Russian).

8. Kozlova S.M., Izotova Ya.P. Ivan Zhdanov: o sebe, o nem, o ego tvorchestve [Ivan Zhdanov: On Himself, On Him, on his Legacy]. Komarov S.A. (ed.) *Russkaya poeziya Sibiri XX veka: Ivan Zhdanov: monografiya (Literaturnyye zvezdy Sibiri; Vol. 3)* [The Russian Poetry of Siberia of the 20th Century: Ivan Zhdanov: Monograph (Literary Stars of Siberia)]. Tyumen, 2017, pp. 16–72. (In Russian).

9. Meylakh M.B. Vozduh [Air]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1980, pp. 241. (In Russian).

10. Miroshnikova O.V. Spetsifika retseptsii i analiza liricheskoy knigi [The Specifics of the Reception and Analysis of a Lyrical Book]. *Miroshnikova O.V. Kniga kak khudozhestvennoye tseloye: razlichnyye aspekty analiza i interpretatsii. Filologicheskiye shtudii – 3. Uchebnoye posobiye* [The Book as an Artistic Unity: Various Aspects of the Analysis and Interpretation. Philological Studies – 3. Education Guidance]. Omsk, 2003, pp. 16–22. (In Russian).

11. Orlitskiy Yu.B. Zaglaviye [The Title]. Tamarchenko N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: The Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow, 2008, pp. 74–75. (In Russian).

(Monographs)

12. Fomenko I.V. *Prakticheskaya poetika: ucheb. posobiye dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Practical Poetics: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions]. Moscow, 2006. (In Russian).

13. Krzhizhanovskiy S. *Poetika zaglaviya* [The Poetics of Titles]. Moscow, 1931. (In Russian).

14. Orlitskiy Yu.B. *Stikh i proza v russkoy literature* [The Verse and Prose in the Russian Literature]. Moscow, 2002. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

15. Kolevatykh G.M. *Zaglaviye v russkoy poezii 1980–1990 godov* [The Title in the Russian Poetry of the 1980s–1990s]. PhD Thesis Abstract. Kaluga, 2008. (In Russian).

16. Veselova N.A. *Zagłaviya literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika* [The Titles of the Literary and Artistic Text: Ontology and Poetics]. PhD Thesis Abstract. Tver', 1998. (In Russian).

Чижов Николай Сергеевич, Тюменский государственный университет.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы. Научные интересы: русская литература XX века, неклассическая поэзия, аксиология художественного творчества, историческая поэтика.

E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7636-0780

Nicolay S. Chizhov, Tyumen State University.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature Department. Research interests: Russian literature of the 20th century, nonclassical poetry, axiology of artistic creativity, historical poetics.

E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7636-0780